

К. Д. УШИНСКИЙ

Краткий биографический очерк

Составил А. Фролков

В декабре прошлого года минуло ровно 10 лет со дня смерти лучшего русского педагога Константина Дмитриевича Ушинского¹. Имя этого человека известно теперь чуть не в каждой семье; его «Родное слово» находит место и в роскошных палатах богача-аристократа, и в курной избе бедняка-крестьянина; его «Человек как предмет воспитания» осветил и уяснил для русского педагога многочисленные вопросы теории воспитания; его «Детский мир» и до сих пор дает богатую пищу пытливому уму дитяти и служит лучшей книгой для чтения во всей нашей педагогической литературе.

Такие труды Константина Дмитриевича бесспорно дают ему право занять видное место среди небольшого числа угасших русских педагогов, и если мы не забываем чтить память германских педагогов, если мы на различные в честь их празднества посылаем депутатов и поздравительные телеграммы, то тем более дорога должна быть для нас память нашего родного педагога. Повинуясь чувству благодарности за наследство, которое покойный оставил после себя русской педагогике, мы решаемся предложить благосклонному вниманию читателей его краткий биографический очерк. Мы говорим — краткий, потому что в настоящее время невозможно было собрать материал, необходимый для полной биографии. Покойный вел довольно деятельную переписку с некоторыми иностранными и русскими педагогами — переписку, имеющую общий интерес; но где было найти всех этих лиц и как получить от них письма Константина Дмитриевича? Нам известно также, что после покойного осталось много рукописей, набранных в корректуре листов, писем, записок и проч.; но все это еще не собрано и не разработано. Настоящим очерком, не претендующим на полноту, мы желаем напомнить русскому обществу и русским педагогам о замечательном труженике, который создал разумную русскую школу, «осушил детские слезы, ручьями лившиеся в прежних рутинных шкалах» и привлек к воспитанию и обучению русскую женщину, дав ей возможность значительно расширить свое образование.

Кроме личных воспоминаний о К.Д. Ушинском, сохранившихся из продолжительного с ним знакомства, кроме писем, записок, программ и проч., оставшихся у нас после покойного, при составлении настоящего очерка мы воспользовались очень многими фактами переданными нам вдовою покойного, Надеждою Семеновною и одним из его близких друзей Я.П. Пугачевским, за что и приносим им нашу искреннюю признательность. Вместе с тем значительно помогли нам следующие статьи и сочинения, в которых обрисовываются некоторые стороны жизни и деятельности Константина Дмитриевича: 1) «К.Д. Ушинский» — некролог Ю. Рехневского. («Вестник Европы» за 1871 г., № 2.); 2) «К.Д. Ушинский» — биографический очерк В. Стоюнина. («Спб. Вед.» 1871 г., № 49); 3) «Воспоминания об Ушинском» П. Чалого. («Народн. школа» за 1872): 4) «Исторический очерк столетней жизни Смольного монастыря» В. Лядова. (Спб. 1864) и 5) «Столетие Смольного монастыря» Д. Семенова. («Отечеств. Зап.» 1864).

* * *

Константин Дмитриевич родился в городе Туле в начале 1824 г. Отец его

¹ К.Д. Ушинский скончался в 1871 г.

Дмитрий Григорьевич, получивший воспитание в Московском университетском благородном пансионе, принадлежал к одной из старинных малороссийских дворянских фамилий. Сначала он служил в военной службе и участвовал в войне двенадцатого года, а затем вышел в отставку и поселился в Новгород-Северске Черниговской губернии. По домашней обстановке, по воспитанию и по связям Дмитрий Григорьевич был первым лицом между проживавшими тогда в городе дворянами. Несмотря на то, что он был женат на дочери местного капиталиста и владел сотнею десятин земли и 80-ю крепостными, состояние его не было блестящим.

<...>²

(Директор Новгород-Северской гимназии И.Ф. Тимковский соединял) в себе юношеские стремления с глубокими религиозными убеждениями. Почтенный старик, как часто рассказывал впоследствии Константин Дмитриевич, беспрестанно переходил от Горация и Виргилия к Библии и от постовых молитв, которые он сам читал в кругу гимназистов, к цитатам из Тацита и Цицерона. Понятно поэтому, что и между учениками тогдашней Новгород-Северской гимназии жило какое-то благоговейное уважение к науке; те учителя и те немногие ученики, которые занимались наукой, пользовались уважением не только учеников старших классов, но даже малышей приготовительного или по-тогдашнему — первейшего класса. В одном из своих писем Ушинский, вспоминая об И.Ф. Тимковском, пишет следующее: «Мир праху твоему, почтенный старец! Твоим нелицемерным, продолжавшимся до гроба служением науке, твоим благоговейным уважением к ней и твоею постоянною верою в другую, гораздо более высшую святую, ты посеял в сердцах своих воспитанников такие семена, которые, да поможет нам Бог, передать своим детям и воспитанникам».

Несмотря на замечательную личность директора, несмотря на то, что названная гимназия, как мы сказали выше, была одною из лучших в то время, ученье в ней не достигало той полноты подготовительных сведений, которой можно и даже должно требовать от гимназии. Ученики ее, даже из более прилежных, не выносили особенно обширных знаний. Они узнавали кое-что то из той, то из другой науки, но любили и уважали то, что узнавали, и в этом, по нашему мнению, большая заслуга гимназии и ее руководителя. Причиной неполноты ученических знаний было, с одной стороны, отсутствие хороших учебников, а с другой отсутствие каких-либо педагогических сведений в преподавателях. Что касается до воспитательной части, то она едва ли и существовала в то время. Пансиона при гимназии не было; ученики — тогда их было до 400 — располагались где попало по городу, а следовательно пользовались надзором только во время уроков; за стенами же гимназии они были предоставлены самим себе и случаю. Очень часто, в свободное от занятий время, целыми толпами гимназисты забирались в лежащий по соседству с гимназией монастырский тенистый сад, где между рядами могил росли старые ветвистые яблони и груши. Не замечаемые никем, они производили в саду значительные опустошения и обращались в бегство при внезапном нападении монахов. Иногда они устраивали преинтересные флотилии на соседней громадной луже, причем доски с монастырского забора служили для устройства плотов. Ученики постарше бегали в слободку, расположенную за монастырем и славившуюся веселостью своих обитателей, а еще более обитательниц. Весной они отправлялись в огромные рвы, изрывшие меловые окрестности Новгород-Северска, где в обилии росла чудная земляника и где новички-гимназисты получали первые уроки в курении табаку из очеретового чубука и глиняной или меловой самодельной трубочки; здесь же преподавались иногда и гораздо более гибельные приятельские уроки и

² Отсутствует страница.

устраивались не совсем скромные пирушки.

Несмотря, однако, на все недостатки воспитания, которое получали ученики тогдашней Новгород-Северской гимназии, в жизни ее было много прекрасных сторон, и сам Ушинский, ознакомившись впоследствии со многими учебными заведениями и в провинции, и в столицах, высоко ставил гимназию, в которой сам воспитывался и недостатки которой ему хорошо были известны. В одном из своих ненапечатанных сочинений, он, говоря о недостатках наших учебных заведений, пишет следующее: «в иных огромных детских казармах, где все так вылакировано, вычищено, все блестит и сверкает, все хвастливо кидается в глаза своею обдуманностью и порядком, где дети находятся ежеминутно под бдительным надзором неусыпных начальников, украшенных за свою бдительность всеми возможными отличиями, заводятся между детьми те же пороки, которые водились и между нами в бедных лачугах Новгород-Северска; только эти пороки принимают здесь еще более характер поварных болезней, тщательно скрываемых, но не исправляемых начальством. Случалось мне видеть и такие заведения, где, несмотря на собрание лучших столичных преподавателей, презрение к науке было предметом хвастовства для воспитанников; и такие, где пятнадцатилетний мальчик уже видит за учебником истории или географии класс, чин, место, и рассчитывает свое прилежание по выгодам будущей службы; и такие, где мальчики, еще плохо читающие по-русски, уже с математическою точностью, сделавшею бы честь любому воеводе передового полка, считаются чинами и породою своих батюшек, дядюшек и тетюшек, и где один воспитанник подает другому руку после глубоких соображений. Когда мне встречались молодые люди, кончившие курс в каком-нибудь значительном учебном заведении, кончившие с отличием, но у которых не было не только ни одной самостоятельной научной мысли, не только ни малейшей любви к какой-нибудь науке, но которые презрительно отзывались о своей учебной жизни, о своих профессорах и даже вообще об учености, ученых и науке, как предметах, необходимых в неизбежной комедии детства, но вовсе излишних и даже неприличных в практической жизни; когда мне попадались безбородые юноши, еще не совсем твердо знающие, в каком веке жил Карл Великий, но уже кощунствующие над святыней отчизны... О! тогда я оценил по достоинству и молитвы покойного Ильи Федоровича, и наше уважение к одам Горация, и нашу любовь к учителю истории, и нашу гордость своими маленькими сведениями, и почтительный страх, который овладевал нами при слове: *университет!* А воля, простор, а природа, прекрасные окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающиеся поля, а розовая весна и золотистая осень — разве не были нашими воспитателями? Зовите меня варваром в педагогике, но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога; что день, проведенный ребенком среди рощ и полей, когда его головою овладевает какой-то упоительный туман, в теплой влаге которого раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и бессознательно впитывать в себя мысли и зародыши мыслей, потоком льющиеся из природы, что такой день стоит многих недель, проведенных на учебной скамье. Толстые каменные стены учебных заведений больших городов, детские кровати, поставленные необозримыми рядами, жизнь по колокольчику или барабану, толстый швейцар у дверей, этот неумолимый цербер детского ада, вокруг камень и железо, железо и камень, не только без малейшего обрывка земли, но даже без куска земли, наверху — кусок вечно закрытого неба, внутри — то гробовое молчание, то официальный гул, в котором исчезает всякая личность, повсюду сердитые аргусовские глаза купленного надзора, повсюду форма и чинность, вечная чистка и лакировка, —

все это веет на меня какой-то безвыходной тоской, какой-то мучительной бессмыслицей; я бы, кажется, не прожил и месяца такую жизнью». Мы позволили себе сделать эту довольно большую выписку из сочинения Ушинского, желая яснее определить хорошие стороны тогдашнего гимназического воспитания и познакомить читателя со взглядом его на природу и свободу, как два великих фактора в воспитании юноши. Сделав, таким образом, насколько было возможно, характеристику того заведения, в котором Ушинскому суждено было получить подготовку к дальнейшему университетскому образованию и направление которого, без сомнения, имело огромное влияние на формирование взглядов и убеждений покойного, мы скажем теперь несколько слов о гимназическом периоде его жизни.

Одиннадцатилетнему Ушинскому пришлось попасть в среду почти взрослых товарищей-демократов. Понятно, что он отличался от них не только своей внешностью, но и развитием; несмотря, однако, на это, он нисколько не отставал от них в учении. Сначала эти юноши косились на новичка, но его симпатичная наружность, его прекрасные душевные качества, его простота обращения вскоре снискали ему расположение и любовь некоторых из них. Забывая свое аристократическое происхождение, Ушинский охотно посещал демократов-товарищей и, не успевая иногда выпить чаю дома, заходил к ним и делил с ними их подчас бедный завтрак. Гимназия находилась на другом конце города, в противоположную сторону от дома Ушинских, и ему приходилось ежедневно прошагать туда и обратно до 8 верст. Зимой, особенно в сильные морозы, бегать в гимназию в легкой шинельке с книгами и тетрадами было довольно тяжело. Но ни морозы, ни метели не могли удержать Ушинского в городе, где бы он мог найти пристанище. Он любил этот длинный путь, идущий по живописному крутому берегу Десны, чрез овраг, отделяющий город от отцовского хутора и плакал, если ему почему-либо приходилось одну или две ночи провести в городе.

Трудился в гимназии Ушинской мало; записок, по которым преподавались в гимназии некоторые предметы, у него никогда не бывало. Уроки дома он готовил редко, а довольствовался прочтением заданного в классе перед уроком; но тем не менее отвечал иногда далеко лучше своих товарищей. Года за два до окончания гимназии Ушинский начал основательно изучать немецкий язык и вскоре, к немалому изумлению товарищей, читал уже Шиллера. Такие успехи показались им невероятными, и они стали над ним подтрунивать: «он хочет пыль пустить в глаза», говаривали они: «сам себя надувает, воображая, что читает по-немецки». На одно из таких откровенных замечаний своего лучшего друга Ушинский посоветовал последнему попробовать читать иностранных авторов без словаря.

— Да как же я стану читать книгу, не зная достаточно слов, возразил тот.

— Это ничего, что некоторые слова останутся непонятыми: ты читай дальше; понявши следующую мысль, поймешь и предыдущую.

Получив таким образом возможность читать больше и при том лучших иностранных писателей, Ушинский уже в эти годы стал над многим задумываться. Уединение, в котором он проводил значительную часть времени, длинные прогулки из дома в гимназию и обратно по живописным берегам Десны, постоянное чтение без разумного руководства, — слишком рано и сильно развили в Ушинском мечтательность. В его голове мало-помалу создавался целый мир полузаимствованных, полуюригинальных образов, сплетались длинные и очень сложные фантазии и дикие романы. Мечтал он чаще всего среди природы — в саду, где-нибудь в овраге или на крутом берегу Десны, лежа на траве, заложив руки под голову, устремив свои черные блестящие глаза в беспредельную небесную синеву. «Боже мой, — пишет он, —

сколько перемечталось на этом прекрасном берегу, на этих кручах, нависших над рекою. Как оживлялась и наполнялась впечатлениями жизнь моя, когда приближалась весна! Я следил за каждым ее шагом, за каждой малейшей переменной в борьбе зимы и лета. Тающий снег, чернеющий лед реки, расширяющиеся полыньи у берега, проталины в саду, земля, проглядывавшая там и сям из-под снега, прилет птиц, оживающий лес, шумно бегущие с гор ручьи — все было предметом моего страстного, недремлющего внимания, и впечатления бытия до того переполняли мою душу, что я ходил как полупьяный. Но вот и снегу нет более, и неприятная нагота деревьев в саду заменилась со всех сторон манящими, таинственными зелеными глубинами; вот и вишни брызнули молоком цветов, зарозовели яблони, каштан поднял и распустил свои красивые султаны, и я бежал каждый раз из гимназии домой, как будто меня ждало там невесть какое сокровище. И в самом деле, разве я не был страшным богачом, миллионером, в сравнении с детьми, запертыми в душных стенах столичного пансиона. — Какие впечатления могут быть даны им взамен этих живых, сильных, воспитывающих душу впечатлений природы? После уже будет поздно пользоваться ими, когда сердце утратит свою детскую мягкость, а рассудок станет между человеком и природой». Мечтал он и в классе, шагая от стены к стене, заложив руки за спину. Никто из товарищей в такие минуты не мог безнаказанно мешать его размышлениям; никто из них не знал, что роилось в горячей голове юноши, никому о том он не говорил. Да едва ли и мог он что-либо сказать о своих неясных, безотчетных грезах, которые, конечно, не имели ничего общего с гимназистами, уроками и всею гимназическою жизнью.

Оставаясь верным своему беспечному характеру по отношению к занятиям до самого выпуска, Ушинский, несмотря на всю свою даровитость, не мог приготовиться вполне к экзаменам и не получил аттестата. Не падая духом, он собрался в Москву и, выдержав вступительный экзамен, сделался студентом Московского университета по юридическому факультету в 1840 году.

Московский университет в то время сосредоточивал в себе замечательные научные силы. Мы застаем здесь профессоров: Грановского, Редкина, Чивилева и других. Особенными симпатиями студентов пользовались Грановский и Редкин. Последний преподавал энциклопедию законовения и государственное право. Любя науку, он возбуждал это же чувство и в своих слушателях. Этот профессор значительную часть своего курса посвящал краткому, но весьма удобопонятному очерку истории философии; он сознавал, что без философских основ немислимо сколько-нибудь основательное изучение права. Поэтому-то лекции П.Г. Редкина всегда привлекали массу слушателей, даже из других факультетов, а на Ушинского, на его последующую педагогическую деятельность, они, без сомнения, имели сильное влияние. Всю жизнь сохранял Ушинский в сердце своем величайшую признательность к П.Г. Редкину и, написавши впоследствии свое капитальное сочинение «Человек как предмет воспитания», первый экземпляр этого труда он принес в дар своему маститому учителю. С первых же дней своего пребывания в университете, с первых же лекций Ушинский стал возбуждать удивление и вместе симпатию в своих товарищах. Его меткие замечания обо всем, что занимало и волновало тогдашнюю университетскую молодежь, его подчас резкие замечания об университетских лекциях и профессорах привлекали к нему юношей-товарищей, которые удивлялись его необыкновенным способностям. Несмотря на ограниченность знаний, с которыми поступил Ушинский в университет, ему очень легко давались университетские лекции. Часто случалось, что Ушинский вполне удобопонятно разъяснял своим товарищам какую-нибудь мудреную теорию, которой они не могли усвоить из лекции профессора. Благодаря своим способностям и богатой памяти, Ушинский без затруднений переходил из курса в курс.

Свободное от лекций время он посвящал чтению. Любимыми его авторами в это время были Пушкин, Гёте, Гофман и Жан-Поль Рихтер. По истории он в это время с особым интересом изучал эпоху французской революции, к героям которой имел особое пристрастие. «Вольтера и Наполеона I он просто ненавидел, и это служило поводом к бесконечным спорам с товарищами, в числе которых было довольно много поклонников Наполеона и вольтерианцев. Эта ненависть к Вольтеру и Наполеону объясняется его убеждениями, которым он оставался верен во все продолжение своей жизни. Относясь критически ко всем явлениям науки и жизни и будучи весьма далек от всяких пиетистических или клерикальных направлений, он потому был всегда истинный христианин и человек глубоких религиозных убеждений, и вместе с тем считал величайшим благом свободу. В Наполеоне I он видел такого же врага свободы, какого христианство встретило в Вольтере»³.

В Москве студенту Ушинскому не раз приходилось испытывать нужду. Не всегда аккуратно получая поддержку из дому и не желая просить много у родителей, состояние которых с каждым годом приходило в упадок, Константин Дмитриевич давал частные уроки и этим обеспечивал свое существование в продолжение всего университетского курса. Будучи совершенным демократом и по средствам и по взглядам, Ушинский жил душа в душу с такими же бедняками, каким был он сам, и не раз делился с ними «последним рублем и последней трубкой табаку». Не любил он товарищей-богачей и аристократов, особенно тех, в которых проявлялись пошлость, заискивание и низкопоклонство. Он беспощадно казнил тех из них, которые перед экзаменами ездили к профессорам с визитами и поздравлениями или «старались обратить на себя внимание прилежным записыванием лекций, а также профессоров, которые читали по печатным книгам. Полная независимость характера, привычка говорить всегда и везде правду — вот особенности, которые отличали Ушинского в университете и которым он остался верен во всю свою жизнь, но которые принесли ему немало огорчений. Чуждаясь разгульного веселья, он не прочь был зайти с друзьями в какой-нибудь студенческий трактир, прочитать газеты и побеседовать за стаканом легкого вина о различных новостях в мире политическом, литературном и театральном. Театр для Ушинского был величайшим наслаждением. Нередко за последний двугривенный он забирался в самый верх и с энтузиазмом аплодировал Мочалову. Для театра Ушинский делал в своих расходах особые сбережения. Однажды в Москву приехал один из родственников Константина Дмитриевича. Желая побывать в театре, он достал в 1½ рубля билет, но почему-то не мог им воспользоваться и подарил Константину Дмитриевичу. Стесняясь сидеть на таком важном месте, а с другой стороны, желая на уплаченные за билет деньги побывать в театре не один раз, он продал этот билет кому-то из своих богатых товарищей и, действительно, на полученные деньги был в театре три раза. Увлеченный игрою Мочалова, Ушинский написал было для его бенефиса шестиактную трагедию. С своим произведением он отправился к Мочалову и прочитал ему одно или два действия этого произведения. Мочалов не нашел в трагедии никаких достоинств, чем немало огорчил молодого драматурга и на некоторое время потерял в нем своего поклонника. Впоследствии, вспоминая об этой трагедии, Ушинский чистосердечно рассказывал, что под конец пьесы у него не оставалось в живых ни одного лица; все они пали жертвами неестественной смерти.

В 1844 году Ушинский окончил университет вторым кандидатом прав и был приглашен тогдашним попечителем московского учебного округа графом С.Г.

³ Рехневский.

Строгановым на профессорскую кафедру в Ярославский Демидовский лицей, который преобразовывался тогда в высшее камеральное училище. Ушинский принял на себя преподавание энциклопедии законовещения, государственного права и науки финансов. Свои лекции он излагал увлекательно, и оставил самые хорошие воспоминания в ярославских студентах того времени. Некоторые из них с удовольствием вспоминают речь его «О камеральном образовании», произнесенную на торжественном собрании лицея 18 сентября 1848 года. В этой речи, разбирая системы немецких камералистов, Ушинский находит, что они смешали науку и искусство и что их сочинения представляют лишь сборники разных советов и указаний по всем отраслям промышленной деятельности. Предлагая свою систему камеральных наук, Ушинский кладет в основание ее изучение земли, общества и его хозяйственной деятельности в самом широком философском смысле. Усиленно занимаясь юридическими науками, Ушинский обратил внимание на народные юридические понятия, старался изучать их и особенно остановился на вопросе: нет ли связи между ними и самою местностью, в которой развивается народная жизнь? В связи с этим вопросом он серьезно изучал сочинения Карла Риттера.

Труд упорный, труд излюбленный, и в это время, как и во всю жизнь, был величайшею потребностью души Константина Дмитриевича. К своим лекциям он готовился необыкновенно тщательно. Выработывая план и сущность каждой лекции, он не задавался никакими особенными соображениями, неподходящими к науке. Он не считал возможным создавать тесные рамки для живого слова, он не мог заранее точно определить, о чем будет говорить своим слушателям в такой-то день в таком-то часу, на каких авторов будет ссылаться и какие цитаты будет из них приводить. А между тем этого требовали, и такие требования повели к столкновению Ушинского с начальством. На совете по этому вопросу Ушинский доказывал, что «педагогическое дело невозможно связывать такими формальностями, что преподаватель должен обращать внимание на своих слушателей, что делить весь свой курс на часы — значит, совершенно убить живое преподавание; а на такое убийство не отважится ни один честный преподаватель». Горячие резкие слова молодого профессора не отстояли разумного дела и послужили причиной выхода его из лицея вместе с некоторыми другими товарищами по службе.

Привыкшая к работе натура Ушинского не могла долго переносить бездействие. Вот почему он отправляется в Петербург для приискания какого-либо дела.

Здесь ревностный профессор делается чиновником департамента иностранных исповеданий и сослуживцем графа Толстого⁴ будущего министра народного просвещения. Нечаянно сорвавшееся с языка остроумное замечание, быстро облетевшее весь департамент, вооружило графа против Ушинского. Чувство недружелюбия к Ушинскому граф сохранил и на министерском посту. Книги Ушинского не нравились министру народного просвещения, и «Детский мир» был удален из министерских училищ как книга злобная. Впрочем, это гонение в последний год министерства графа Толстого значительно ослабело; а в настоящее время «Детский мир» рекомендован к употреблению во всех учебных заведениях министерства народного просвещения.

Служа в департаменте, Ушинский получал только 400 руб. в год. Средства эти были слишком недостаточны, тем более что в это время он был уже женат (на дочери малороссийского помещика Надежде Семеновне, урожденной Дорошенко).

⁴ Граф Д.А. Толстой — русский государственный деятель и историк: обер-прокурор Святейшего правительствующего синода.

Приходилось искать других занятий; это было хотя и тяжело, но возможно, так как дела по службе у Ушинского было немного. Не стесняемый службою, Ушинский начал в это время изучать английский язык, занимался философией и особенно увлекался земледелием. Под влиянием идей Риттера Ушинский написал несколько критических статей, и с этого времени литературная деятельность стала любимой деятельностью Ушинского. Но как всякому начинающему молодому писателю, ему пришлось довольно долго работать, прежде чем его труды стали в редакциях читать и прежде, чем они добились внимания редакторов. Первые критические статьи Ушинский печатал в «Современнике». Его небольшой рассказ — «Поездка на Волхов»⁵, написанный около этого времени, оценен был И.С. Тургеневым, после чего на него стали смотреть как на талантливого писателя. Кроме самостоятельных статей Ушинский для «Современника» много переводил, и, если не ошибаюсь, принимал участие в переводе с английского языка вместе с другими «Политической экономии» Милля. Впоследствии Ушинский стал работать в «Библиотеке для чтения». Редактор этого журнала взваливал на него самую скучную журнальную работу, а именно: составление хроник и обозрений, разбор книги и т. п. Такой срочный и непрерывный труд расстраивал здоровье Ушинского и при этом весьма мало обеспечивал его в материальном отношении. Просиживая за работой иногда целые ночи, Ушинский уже в это время сильно расстроил свое здоровье, и Бог знает к чему бы привела эта, загубившая не один талант работа литературного поденщика, если бы счастливый случай не натолкнул его на другую дорогу, к другому делу, которое сделалось впоследствии целью его жизни.

В 1855 г. Ушинский получил место преподавателя словесности и одной из юридических наук в Гатчинском институте. Он ревностно принялся за новое и интересное для него дело, здесь он нашел богатую педагогическую библиотеку, составленную бывшим инспектором Института Ев. Ос. Бугелем, и с жаром принялся за чтение педагогических сочинений. Вот что писал Ушинский впоследствии о своей находке: «Помню я, как, поступив на службу в одно учебное заведение и рассматривая его библиотеку, довольно многотомную, нашел я целый шкаф с медицинскими книгами, хотя в этом заведении никогда не учили медицине. Их пожертвовал один купец, которому они достались за долги или по наследству. Наконец, смотрю, стоят два шкафа, запыленные, почернелые, запечатанные. Видно по всему, что их лет 20 не отпирали. Прошу отворить и нахожу очень полное собрание педагогических книг. Это было в первый раз, что я видел собрание педагогических книг в русском учебном заведении. Этим двум шкафам я обязан в жизни очень, очень многим и, Боже мой! от скольких бы грубых ошибок был избавлен я, если бы познакомился с этими двумя шкафами прежде, чем вступил на педагогическое поприще! Человек, заведший эту библиотеку, был необыкновенным у нас человеком. Это едва ли не первый наш педагог, который взглянул серьезно на дело воспитания и увлекся им. Но горько же и поплатился он за это увлечение. Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами, он мог несколько лет приводить свои идеи в исполнение, но вдруг обстоятельства изменились, — и бедняк-мечтатель окончил свою жизнь в сумасшедшем доме, бредя детьми, школой, педагогическими идеями. Недаром же после него закрыли и запечатали его опасное наследство. Разбирая эти книги, исписанные по краям одною и тою же мертвою рукою, я думал: лучше было бы, если бы он жил в настоящее время, когда уже научились лучше ценить педагогов и педагогические идеи». Под влиянием чтения сочинений из библиотеки Гугеля⁶ для Ушинского вполне ясно определилось его

⁵ «Современник» 1852 г. № 9.

⁶ Е.О. Гугель — выдающийся российский педагог, основоположник российской системы

истинное призвание. По выходе в отставку инспектора института П.С. Гурьева, Ушинский занял его место. Теперь его деятельность стала шире; приходилось применять на практике те педагогические вопросы, которые до сих пор занимали его в теории. Тогдашняя литература стала обращать большое внимание на вопросы по воспитанию юношества, эти вопросы заинтересовали весь читающий русский мир, который смутно понимал несовершенство тогдашнего воспитания. «Общество, оскорбленное и униженное предшествовавшими военными неудачами, с какой-то страстью само казнило себя беспощадными обличениями, но не приходило в отчаяние; оно сознавало в себе нравственные силы и возлагало свои надежды на молодое поколение, которое нужно было воспитать и направить иначе. Это общественное движение вызвало два педагогические журнала»⁷, и Ушинский в одном из них, а именно в журнале Чумикова «Воспитание», принимал деятельное участие, где и поместил несколько своих первых педагогическо-литературных опытов. Из них особенно заслуживают внимания: «О пользе педагогической литературы»⁸, «О народности в общественном воспитании»⁹, «Три элемента школы»¹⁰. Последняя статья подписана псевдонимом Виссариона Жукова. К этому времени должно отнести и первые его попытки над составлением книг для начального обучения русскому языку. Но гатчинская эпоха была лишь подготовительной для более видной преобразовательной деятельности Ушинского. Здесь он собирал силы, нужные для служения родине, а приложить эти силы ему пришлось уже впоследствии в другом учреждении. Деятельность Ушинского по гатчинскому институту обратила на него внимание министра народного просвещения Норова, и по его рекомендации он в 1859 году был переведен на место Инспектора классов обоих отделений, или половин, Смольного Института, в котором готовились весьма крупные преобразования. Придавая огромное значение воспитанию женщины, которая в свою очередь должна сделаться воспитательницей нового поколения, Ушинский отдался делу преобразования Смольного Института всею своею душою. Он собрал вокруг себя молодых, талантливых преподавателей, получивших впоследствии почетную известность в науке и литературе. Мы назовем из них: В.Ф. Буссе, В.И. Водовозова, В.И. Лядова, О.Ф. Миллера, Л.Н. Модзалевского, А.И. Павловского, Я.П. Пугачевского, М.И. Семевского, Д.Д. Семенова и др. Все эти помощники Ушинского составляли вокруг него тесный дружеский кружок. Работая усердно, меняясь своими наблюдениями и опытами, эти педагоги достигали в преподавании своем замечательных результатов: они помогли Константину Дмитриевичу провести весьма важные по Институту преобразования. Укажем на главнейшие из них. Ушинский желал, во-первых, заменить девятилетний курс семилетним: во-вторых, вместо трех классов устроить семь: в-третьих, сделать новое распределение предметов по классам, и в-четвертых, составить новые программы. Первою мерою К.Д. желал достигнуть «того, чтобы воспитанницы, получив достаточное образование, двумя годами ранее возвращались в родные семьи, которых никакое учебное заведение заменить не может. Второю мерою предполагалось достичь лучших успехов. До Ушинского воспитанницы, по окончании трехлетнего курса в полном составе, переходили в старший класс, несмотря на то, были ли они достаточно приготовлены или нет, потому что, в самом деле, нельзя же было воспитанницу оставлять в одном и том же классе на 6 лет. Следствием этого было то, что

дошкольного воспитания.

⁷ Стоюнин П.В., 1871 г., № 49.

⁸ «Воспитание», т. I.

⁹ «Воспитание», 1857, т. II.

¹⁰ Ibid, 1858 г., т. I.

малоуспевшие в низшем классе, в старшем успевали еще менее и выходили из заведения с самыми ничтожными и поверхностными знаниями. При устройстве же семилетнего курса и при ежегодных переводах, малоуспевшие ученицы могли быть оставляемы в том же классе еще на год, чтобы пополнить пробелы в своих знаниях. В распределении предметов по классам Ушинский держался того взгляда, что чем менее возраст учащегося, тем меньше предметов должно быть с ним изучаемо, а чрез то и само изучение должно быть основательнее. Вот почему в курс низшего класса были назначены только четыре предмета: Закон Божий, арифметика, русский и французский языки. В VI классе к упомянутым предметам присоединялась география, в V — Немецкий язык, в IV — История, в III — Физика. Кроме того, Ушинский считал очень полезным пройти краткий курс гигиены, знание которой, по его мнению, так необходимо для всякой матери и хозяйки дома. Назначая в VII классе пять уроков русского языка, а в VI — четыре (прежде их было три), Ушинский писал: «Учитель русского языка не может ограничиться одним только преподаванием грамматики, а должен иметь в виду общее развитие учащихся. Он должен прежде всего сообщить ученику ясное и правильное понятие об окружающих предметах, что очень редко приносится ребенком в школу, научить его рассуждать о знакомых ему предметах и правильно выражать свои мысли». Преподавание арифметики, по мнению Ушинского, должно было начинаться с того, чем оно обыкновенно оканчивалось. Дети прежде всего должны были приобрести наглядные понятия об измерениях, потом заняться именованными числами и уже затем перейти к числам отвлеченным. «Если в женских учебных заведениях изучение арифметики идет вяло и скучно, писал К.Д., то причина этого заключается в отвлеченности изложения арифметических правил. Если же и в арифметике дитя перейдет от наглядного к отвлеченному и от практики к теории, то нет сомнения, что эта теория будет усвоена им навсегда и без скуки. Арифметике следует учить так, чтобы ее нельзя было позабыть; в противном случае она бесполезна, потому что хозяйственные счета ведут очень хорошо и те, кто никогда не учился арифметике». Таким образом, Ушинский смотрел на арифметику и вообще на математику, как на предмет весьма важный, не только в практическом применении, но и как на предмет, развивающий ученика. Придавая математике такое значение и стремясь поставить ее преподавание в школе на правильный путь, Ушинский был, однако, против исключительного преобладания этой науки в наших учебных заведениях. По его мнению, «исключительное занятие математикой кладет иногда на человека особенно вредный в жизни отпечаток, сообщает его мыслям математическую прямолинейность, делает его взгляды на жизнь односторонними, придает им какую-то особенную сухость и безжизненность».

Учебный курс Александровского училища был при Ушинском совершенно сравнен с курсом общества благородных девиц; до него же курс Александровского училища, продолжавшийся только 6 лет, был гораздо сокращеннее. Специальный класс был организован также иначе. По предположениям Ушинского, воспитанницы в этом классе должны были пробывать два года: первый год, который он называл теоретическим, девицы должны были употребить на самообразование и на теоретическое знакомство с педагогикой и дидактикой, второй, — который он называл практическим, — на практическое преподавание под руководством учителей в особо для того сформированном классе. Ушинскому же дети обязаны и тем, что их отпускают на каникулы и продолжительные праздники к родителям или ближайшим родственникам. Мысль эта, впрочем, осуществилась уже после ухода Ушинского из Смольного. Потребовалось бы слишком много места, чтобы перечислить здесь все сделанное Ушинским по Институту; нам приходится только заметить, что весьма многое из

сделанного им и до сего времени имеет значение в жизни названного заведения.

Будучи инспектором Смольного Института, Ушинский окончил «Детский мир», на составление которого потрачено было несколько лет. Он долго не решался издать свою книгу, боясь, что она не пойдет, но настоятельные просьбы и убеждения друзей побудили наконец К.Д. напечатать 3000 экз. книги, которая сразу же имела огромный успех.

Добиваясь настойчиво и энергично своих целей, не щадя по временам чужого самолюбия, не отступая ни на шаг от своих убеждений, Ушинский вооружил против себя многих лиц. Эти лица обвиняли его в самых неблагоприятных поступках, указывали даже на его неблагонадежность. И, что всего удивительнее, такими недоброжелателями были лица, стоявшие у того же дела и долженствовавшие иметь своим девизом любовь к ближнему и самое высокое христианское смирение. Но дело честное, дело служения на пользу общественную не умирает и не боится никаких злонамеренных козней. Оно никогда не остается незамеченным теми из людей, кто дорожит делом. Так и педагогическая деятельность Ушинского всегда находила себе защитников и покровителей, даже в высших сферах. В то время, когда враги Ушинского в одном ведомстве писали на него доносы, его деятельность была замечена министром народного просвещения Л.В. Головинным. Это новое Министерство, задумав преобразовать наши низшие и средние училища, желало сделать журнал свой органом обсуждения и разъяснения педагогических вопросов и вообще органом распространения педагогических знаний. Для этого был приглашен Ушинский в качестве редактора долженствовавшего возродиться журнала Министерства Народного Просвещения. Вносить жизнь везде, где Ушинский прилагал свой труд, — было свойством его личности. Как из Смольного «монастыря» Ушинский создал живое учебно-воспитательное заведение, в котором и учащие и учащиеся с увлечением и интересом отдавались труду, так из сухого журнала Министерства Народного Просвещения, из сборника ученых и специальных статей Ушинский создал живой педагогический орган. Публика, не знавшая прежде этого журнала, стала им интересоваться. Несколько продуманных и прочувствованных статей поместил здесь и сам Ушинский. Особенно из них замечательны: «Труд»¹¹, «О нравственном элементе в русском воспитании»¹², «Проект учительской Семинарии»¹³ и др. Обладая известными убеждениями, Ушинский открыто проводил их как в общем направлении журнала, так и в собственных своих статьях. Так как взгляды Ушинского далеко не согласовались с господствовавшим тогда в журнальной литературе направлением и так как Ушинский и в печати, и в общественных спорах резко нападал на общество и отсутствие в нем прочных и строго определенных убеждений, а журналистику нашу обвинял в обилии фраз и в слишком отрицательном направлении, то естественно, что новая редакция журнала Министерства Народного Просвещения не пользовалась сочувствием тогдашней нашей печати. Считаю не лишним привести здесь небольшой отрывок из одного письма Ушинского, характеризующий взгляды его на тогдашнюю журналистику. «Наши модные журналы, говорит он, набиты до того грязными личностями, что, прочитав какую-нибудь повесть, действительно уже испытываешь то же чувство, какое должен испытывать человек, выходящий из тюрьмы. Замечательное явление! В настоящей литературе нашей не только не создано ни одного благородного характера, для чего, конечно, нужен талант, но даже нет ни одного дидактического или философского сочинения, сколько-нибудь замечательного,

¹¹ Журнал М. Н. Просв. 1869. Июль.

¹² Ув. Ноябрь и Декабрь.

¹³ Ув. 1861 г. Март.

которое высказывало бы какие-нибудь положительные философские, общественные или моральные убеждения и высказывало бы так, чтобы критика не подняла его на смех. Я не говорю о наших богословских сочинениях: о них критика молчит. Повсюду казнят порок и неправду, и тысячи отвратительнейших лиц проводятся пред глазами читателя; но в чье же имя казнятся все эти личности? По какому нравственному кодексу произносит над ними свой уголовный суд наша литература? На каком основании все эти поступки считаются дурными поступками и в чем состоят хорошие? Чувству не доверяет современный человек, философии не признает, да и к кодексу христианской нравственности прибегает редко».

По вступлении в управление Министерством Народного Просвещения графа Путятина, желавшего сделать из журнала нечто вроде пантеона всех наук, Ушинский оставил службу по Министерству, не считая себя способным быть редактором такого энциклопедического научного журнала. Впрочем, некоторое время он оставался его сотрудником.

В Майской книжке этого журнала за 1861 г. Константин Дмитриевич поместил замечательную статью свою «Родное слово». В статье этой Ушинский высказывает мнение, что только родной язык служит прекрасным средством духовного развития дитяти и как странно видеть явление, что русское дитя, не научившись порядочно говорить на родном языке, едет за границу изучать языки чужеземные. Мысль, положенную в основание этой статьи, Ушинский вполне удачно применил в своей книге для первоначального обучения родному языку, известной под названием «Родное слово». Родной язык он делает центром первоначального обучения и вокруг него, тесно с ним связывая, группирует все остальные предметы обучения. Он предполагал, давши дитяти обильный материал для практического изучения родного языка в первых двух частях «Родного слова», перейти к 3-й части к грамматике и другим предметам. Таким образом, первым отделом 8-го года являлась грамматика, второй отдел должна была составить география, третий — история, четвертый арифметика и т. д. Преждевременная смерть помешала Ушинскому привести в исполнение свой план, и мы имеем из 8-го года один только первый отдел — грамматический. Нечего и говорить, какой вклад в нашу литературу элементарного обучения внес Ушинский своим «Родным словом». Составляя эту книгу, он имел в виду главным образом домашнее обучение и учительницу-мать. Своими трудами по первоначальному обучению он хотел помочь русской женщине в обучении ее детей. «Я желал бы от всей души, говорит он, чтобы на моей родине, рядом с устройством школ для малолетних детей, не могущих по каким-либо уважительным причинам пользоваться счастьем хорошего домашнего воспитания и учения, развивались в русской женщине склонность и умение самой заниматься первоначальным воспитанием и обучением своих детей. Я желал бы, чтобы русская женщина, испытав глубокое наслаждение самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслаждения никому без необходимости».

Усиленные литературные труды К.Д., борьба, которую ему приходилось вести с приверженцами старины давней при преобразовании Смольного Института, сильно подорвали его здоровье, и он должен был оставить должность Инспектора. Но труды Ушинского удостоились высокого внимания в Бозе почившей Императрицы Марии Александровны и Ей было угодно поручить ему составить руководство педагогики для женских учебных заведений. Вот почему К.Д. был причислен к ученому комитету IV-го отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и получил продолжительную командировку за границу для ознакомления с иноземными женскими учебными заведениями.

За границу Ушинский отправился вместе с семейством в 1802 году, думая и

выполнить там данное ему поручение, и поправить расстроенное здоровье, а также дать воспитание подраставшим детям. Поселившись сначала в Гейдельберге, он познакомился здесь с замечательным русским педагогом и хирургом Н.И. Пироговым, к которому питал глубокое уважение и которого считал человеком, способным возвысить и укрепить дух другого человека, — человеком, жизнь которого может для всякого служить образцом. «Наконец-то мы имеем посреди нас человека, на которого с гордостью можем указать нашим детям и внукам и по безукоризненной дороге которого можем вести смело наши молодые поколения. Пусть наша молодежь смотрит на этот образ, и будущность нашего отечества будет обеспечена.

Взяв на себя труд составить учебник педагогики, Ушинский скоро увидел всю трудность и почти невозможность этой работы. Относясь серьезно ко всякому делу, он не считал полезным составлять такое руководство, в котором бы только были приведены различные педагогические рецепты без указания их оснований. Если, по мнению Ушинского, нельзя сделаться хорошим медиком, изучив только хотя и самые полные лечебники, но не изучив анатомии и физиологии, точно так же нельзя быть хорошим педагогом, не имея основательных познаний антропологических. Эта же часть знания и вообще философское образование у нас в то время были далеко не разработаны. Вот почему, прежде чем составлять учебник педагогики, Ушинский задался целью написать педагогическую антропологию, чтобы уяснить и систематизировать философские и психологические начала этой науки. Русская литература в этом случае ничего не давала Ушинскому: пришлось приниматься за иностранных авторов. С карандашом в руке, испещряя страницы своими замечаниями, он читал сочинения как древних, так и новых мыслителей, философов и педагогов: Аристотель, Спиноза, Гегель, Кант, Милль, Локк, Бэн, Дарвин, Шопенгауэр, Бенке не выходили у него из рук в это время. Труд огромный задал себе К.Д.; но он не боялся труда: в нем он находил всегда величайшее наслаждение и на самом себе доказывал свою мысль, что «внутренняя, духовная, животворная сила труда служит источником человеческого достоинства, а вместе с тем и нравственности, и счастья». За границей Ушинский выполнил черновую, так сказать, подготовительную работу для будущей «педагогической антропологии». Он привез оттуда массу отдельных листков бумаги, на которых были сделаны выписки из философов и набросаны его собственные выводы. Нужно было привести все это в систему и связать все одной идеей, одним планом, которые давно уже созрели в голове Константина Дмитриевича. Эта чистовая работа совершалась в Петербурге и на нее Ушинский посвящал обыкновенно утро, так как слабое здоровье не позволяло ему заниматься по вечерам. Удалившись в свой кабинет, заваленный книгами, К.Д. усаживался в большое кресло и начинал кому-либо диктовать ту или другую главу из антропологии. Продиктовав часть, он заставлял писавшего прочитывать, делая дополнения и исправления и снова начинал диктовать. Весьма редко его сразу удовлетворяла продиктованная глава; исправив несколько раз в рукописи, К.Д. иногда совершенно заново исправлял ее в корректуре, зачеркивая целые полосы, поэтому первые издания его сочинений обходились очень дорого. Таким же переделкам подвергались и отдельные журнальные статьи, а некоторые, пролежав на рабочем столе К.Д. довольно долгое время и перечитанные вновь, совершенно не пускались им в печать.

Таким образом вышел из-под пера Ушинского «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии». Сочинение это, помимо глубокой учености и необычайной простоты и ясности изложения, имеет еще одно весьма важное достоинство: в нем различные теории на каждом шагу подкрепляются примерами из жизни, вынесенными в большинстве из наблюдений автора над самим собою, над

собственную духовную деятельность, а это-то и придает сочинению Ушинского огромный интерес и необычайную живучесть; некоторые же страницы можно назвать просто увлекательными.

Мы имеем только два тома этого труда Ушинского. Из сохранившейся у нас программы педагогики, которая была составлена Ушинским для женских учебных заведений и которая является конспектом полного сочинения «Человек как предмет воспитания», ясно можно видеть, что должна была заключать в себе третья часть названного труда. Здесь должны были рассматриваться духовные способности, составляющие отличительную черту психической жизни человека. Названная программа передана нами г-же Ушинской для напечатания в собрании педагогических статей покойного ее мужа; но тем не менее считаем не лишним привести здесь ту часть программы, которая познакомит читателя с содержанием не напечатанного третьего тома антропологии.

Психические явления высшего порядка, или явления духовные: общее понятие об этих явлениях и самосознание как отличительный их признак. Отношение самосознания к сознанию. Самосознание как источник разума. Самосознание или разумность как общий корень всех духовных чисто человеческих явлений. Виды этих явлений: дар слова, чувство художественное, чувство нравственное, чувство религиозное.

I. Дар слова. Физиологические и психические основания дара слова. Важное значение языка в умственном развитии человека вообще и дитяти в особенности. Развитие языка в человечестве. Логическая и историческая связь языков. Отношение языка к логике. Развитие языка в индивиде и в особенности у детей. Значение народного языка для индивида и в особенности для дитяти. Условия благоприятствующие и условия противодействующие развитию языка в детях. Оценка в этом отношении различных влияний. Педагогические меры, способствующие правильному и обширному развитию дара слова в детях. Влияние изучения иностранных языков на знание своего собственного.

II. Чувство художественное. Его психические и физиологические основы. Его проявления в музыке, живописи, ваянии, поэзии, любви к природе и человеку. Условия способствующие и условия противодействующие развитию художественного чувства. Поэтический элемент в воспитании. Оценка различных поэтических произведений в их влиянии на душу дитяти. Влияние занятий искусствами, в особенности музыкой и живописью, на общее развитие и душевное настроение детей.

III. Чувство нравственное. Психические основы нравственного чувства и две формы его: 1) индивидуальное нравственное чувство, или чувство правды и справедливости; 2) общественное нравственное чувство, или чувство нравственности в тесном смысле.

1) Чувство правды и справедливости. Его психические основы в чувстве личности и в чувстве равенства личностей перед законом совести. История чувства правды и справедливости в детской душе. Оценка в этом отношении влияния окружающей среды и обращения взрослых с ребенком. Влияние обращения детей между собою. Воспитательные меры для укоренения в ребенке чувства правды и справедливости.

2) Нравственное чувство в тесном смысле. Его психические основы в сознании свободы воли, следовательно вменяемости поступков, в стремлении к безграничной деятельности, в стремлении к самоусовершенствованию. Совесть — как мерило собственного совершенства. История развития нравственного чувства в детях. Жизненные условия и воспитательные меры в их влиянии на развитие и подавление нравственного чувства. Важное значение этого чувства в жизни человека.

Педагогические меры для правильного его развития. Меры, возбуждающие подавленное нравственное чувство.

IV. Чувство религиозное. Психические основы стремления к Божеству. Стремление это врождено каждой человеческой душе. История развития этого чувства в душе человека. Условия, способствующие и противодействующие развитию религиозного чувства. Его отклонения с нормального пути; вредные последствия таких отклонений. Педагогические меры для правильного развития религиозного чувства.

Живя за границей с 1802 по 1867 гг., по преимуществу в Швейцарии, К.Д. ознакомился с устройством народных школ и учительских семинарий этой страны. Результатом наблюдений явились любопытные и поучительные его письма под заглавием «Педагогическая поездка по Швейцарии». Осмотрев множество заграничных школ для малолетних детей и восхищаясь некоторыми из них, Ушинский тем не менее полагал, что до 8 и даже до 10 лет дитя должно воспитываться в семье, а не в общественной школе; по его мнению, школа для маленьких детей тогда только хороша, когда она вполне проникнута семейным характером и более похожа на семью, чем на школу. Видя в Швейцарии массу школ и почти не встречая детей, не посещающих школу, Ушинский находил дурным, что школы «избавляют от необходимости заниматься с детьми не только таких матерей, у которых весь день поглощен личным и тяжелым трудом, но и таких, которые очень могли бы посвятить обучению своих малюток те немногие часы или, лучше сказать, минуты дня, какие для этого нужны». Находясь за границей, Ушинский большею частью проживал в Швейцарии, но посещал и Францию, и Италию, где его любимым уголком была Ницца. В один из своих приездов в Ниццу Ушинский имел счастье встретиться здесь с покойной Государыней Марией Александровной. Императрица неоднократно беседовала здесь с Ушинским о различных вопросах воспитания и удостоила его высокого доверия, поручив ему высказать свои взгляды о характере воспитания Наследника русского престола. Мысли свои по этому предмету Ушинский изложил в четырех письмах, которые и были благосклонно приняты Ее Величеством. В письмах этих Ушинский указывает на отсутствие строго определенных и окончательно выработанных убеждений в тогдашнем русском обществе и говорит, что такое общество самое опасное общество для правительства, и чтобы управлять таким обществом будущему Монарху России необходимо укрепить в сердце своем правильные христианские, европейские и русские общественные убеждения.

Живя за границей, Ушинский почти ежегодно летом приезжал в Россию, главным образом по делам своих изданий, причем поселялся обыкновенно в Павловске. В один из таких приездов К.Д. узнал, что его «Детский мир» не допущен ученым комитетом Министерства Народного Просвещения в школах, так как обилие статей в книге по естествознанию может развить в детях материализм, нигилизм и т. п. Такое неожиданное огорчение было тем более тяжело для Ушинского, что тот же ученый комитет и, кажется, то же самое лицо, рассмотрев книгу при министре Головнине и указав также на обилие статей по естествознанию, сделало совершенно иной вывод. По этому отзыву дитя, читающее книгу «Детский мир» и знакомящееся с природой и человеком, должно воспитать в сердце своем благоговение пред Тем, Кто так чудно, так гармонично создал мир. Два совершенно противоположные отзыва ученого комитета о «Детском мире» Ушинский хранил как документы, указывающие на отсутствие ясно выработанных и строго определенных взглядов в русском учебном ведомстве. Получив неблагоприятный отзыв о своей книге. Ушинский вместе с тем узнал, в каком роде новому Министерству народного просвещения желательно видеть в школах книгу для чтения. Хотя К.Д. далеко не разделял взглядов графа Толстого на

характер книги для чтения, но, раздраженный гонением на «Детский мир», он принялся было за составление книги, угодной министру. Так как предполагаемая книга представляла бы совершенную несообразность с выработавшимися у нас уже тогда педагогическими взглядами, так как она совершенно противоречила бы убеждениям К.Д. и могла совершенно подорвать приобретенный уже им в литературе и обществе авторитет, то друзья успели его отговорить от приведения в исполнение задуманного намерения. В это же самое время (1836 г.) появилась книга для первоначального чтения, составленная гг. Филоновым и Радонежским. Подлаживаясь под тон нового министерства, составители заимствовали отрывки для своей детской книги из произведений, хотя известных и почтенных, но далеко не детских русских классиков: Игумена Даниила, Митрополита Филарета, Карамзина, Муравьева, Бодянского, архиепископа Иннокентия, барона Корфа и др. Весь материал книги разделялся на шесть отделов: 1-й — Закон Божий; 2-й — История; 3-й — Жизнеописания; 4-й — География; 5-й — Естествознание и 6-й — Словесность. Ушинский первый оценил по достоинству эту книгу в критической статье своей «Цветы московской педагогики на петербургской почве»¹⁴. Особенного его внимания заслужил в этой книге отдел по естествознанию, наполненный отрывками из Н. Греча, Карамзина и Ломоносова.

Рассматривая этот отдел книги, К.Д. обращается к составителям ее со следующими словами: «Эх, гг. Филоновы, Радонежские и tutti quanti, не трогать бы вам лучше почтенных имен наших Великих людей. Карамзины и Ломоносовы любили отечество, любили науку, горячо верили в прогресс, трудились всю жизнь для народного образования и, прежде всего, были честные люди. Как глубоко огорчились бы они, если бы могли предвидеть, что чрез 100–150 лет после них возможны будут такие патриотические спекуляции их именами в деле воспитания русских детей. Как глубоко огорчились бы эти истинные патриоты, а не фальшивые, подкрашенные, размалеванные шуты в патриотических масках, если бы могли предвидеть, что чрез 100–150 лет после них в русской учебной литературе будут появляться такие книги, которые даже где-нибудь на Отаитских островах были бы нелепостью».

Благодаря ли статье Ушинского или же благодаря действительно своей несообразности, книга гг. Филонова и Радонежского совершенно не имела успеха, а разбор Ушинского вызвал со стороны г. Филонова чрезвычайно резкий ответ под заглавием «Плоды педагогического озлобления», который не был принят ни одной редакцией и появился отдельной брошюрой. Защищая книгу свою от нападков Ушинского, г. Филонов употребляет весьма странный прием: он старается доказать, что книги Ушинского «Детский мир» и «Родное слово» могут развить в детях антирелигиозное направление; при этом указывает, между прочим, на то, что в «Детском мире», во 2-й его части, в отделе «Проза», помещена притча «Пшеница и плевелы» из «какого-то» Круммахера, а не из Божественного Евангелия; а в «Родном слове» первый рисунок изображает ос, и только 8-й церковь, и то не отдельно, а в селе; лишь на последней странице азбуки помещена одна только картинка — благословляющий Спаситель; в то же время на предпоследней странице помещена тоже одна картинка, изображающая филина. Вот этими-то фактами доказывает г. Филонов вредное направление книг Ушинского и его антирелигиозные убеждения. Глубину этих доказательств оценит всякий. Мы же, с своей стороны, должны сказать здесь, что Константин Дмитриевич был истинный христианин и человек в высшей степени религиозный. Евангелие было его настольною книгою, и в нем он всегда искал подтверждения своим мыслям, своим убеждениям. Он нападал на русскую школу за отсутствие в ней самобытности, за то,

¹⁴ Отечеств. Зап. 1866 г., № 20.

что она мало влияет на развитие в детях истинного религиозного чувства; он жестоко карал тех людей, которые кичились своим неверием, тех, которые, выдавая себя за передовых людей, видели в малейшем проявлении религиозности или невежество (и это еще хорошо), или притворство, или сумасшествие. В одном из своих писем Ушинский очень серьезно разбирает это явление в русском обществе и указывает на пример Гоголя. Он говорит, между прочим, следующее: «С каким озлоблением накинута вся русская журналистика на бедного Гоголя, когда он печатно высказал свои религиозные убеждения. Его обвиняли не в экзальтации, не в неприличии тона, в чем действительно можно было обвинять “Переписку с друзьями”; нет, его, своего прежнего кумира, обличителя общественных язв, обвиняли во лжи, в продажности и, столкнув с подножия, на которое сами же его подняли, поставили чуть не наряду с заклеятыми общественным презрением торгашами литературы. Но когда своей трагической смертью Гоголь показал по крайней мере искренность своих убеждений, тогда его, не обинуясь, назвали сумасшедшим, хотя до последней минуты в словах и поступках его выражался и здравый, ясный ум, и непреклонная воля. Странное, дикое явление, указывающее нам всю глубину раны, мертвящей нашу общественную жизнь. Англия, образованнейшая страна мира, благоговеет перед своим Ньютоном именно за то, что в нем бесконечная глубина разума соединялась с бесконечной глубиной религиозного чувства; а мы, едва выходя из мрака невежества, бросаем грязью в своих великих людей, если они вздумают признаться, что веруют в Бога, считают необходимым исполнять Его заповеди и молиться Ему. В Англии религиозность не только может, но и должна идти рука об руку с самым высоким умственным развитием, образованием и гражданской свободой, а у нас религия — признак невежества, безнравственности или безумия. И, замечательно, что в тех же самых образованных кружках и в тех же самых журналах та же Англия ставится образцом цивилизованного государства! Такие резкие противоречия, обличающие всю шаткость, всю ничтожность наших общественных убеждений, попадают у нас на каждом шагу».

Во многих местах педагогической антропологии Ушинский высказывает свои религиозные убеждения и очень часто для подтверждения своих мыслей ссылается на учение Спасителя. Объясняя отношение психологии к религиозным системам, он указывает на то, что религия всегда распространяла психологические воззрения, что великие психологические истины, скрывающиеся в Евангелии, распространялись вместе с Евангельским учением. «Какая книга в мире, говорит Ушинский, представляет более глубокую психологию, более верное знание людей, и какая книга в мире более читалась, слушалась, обдумывалась? Если же Евангельская психология, более или менее глубоко понятая, сделалась общим достоянием всего христианского мира, т. е. всего образованного Европейского мира, то каким же образом психолог может не знать этой психологии, может обойти ее, ограничив свои познания теориями Гербарта, Бенеке или какого-нибудь другого кабинетного ученого?»

Будучи противником исключительно заграничного воспитания и не желая дать такое воспитание своим подраставшим детям, Ушинский возвратился в Россию со всей семьей в 1867 г. Пятилетнее пребывание за границей благотворно повлияло на Ушинского: он поправил свое здоровье и сделал очень много для своего духовного развития. Изучив хорошо западноевропейскую педагогику, Ушинский деятельно принялся за применение в России новых для нее педагогических начал. Он стал сближаться с русскими педагогами, деятельно посещал заседания Петербургского Педагогического Общества и прочитал там несколько рефератов. Один из них «Педагогика — как искусство» произвел немалую тревогу среди некоторых членов общества. Им не понравилось, что Ушинский не считал наукой педагогику, созданную

нашими ближайшими западными соседями, а признавал её лишь искусством, т. е. применением общих начал антропологии к воспитанию.

Преданный всею душою делу воспитания и обучения, Ушинский охотно делился своими мыслями со всяким, кто этого желал. Он вел деятельную переписку с некоторыми иностранными педагогами и с бароном Н.А. Корфом, который в то время работал по народному образованию в Екатеринославской губернии и с которым, если мы не ошибаемся, Ушинскому не удалось ни разу видаться. Письма его к барону Корфу затрагивали, главным образом, организацию русской народной школы. Этот вопрос очень интересовал Ушинского, и он предполагал посвятить ему несколько статей. Первая и последняя статья его по этому предмету «Возникновение наших народных школ» была помещена им в только что возникшем тогда журнале Ф.Н. Медникова «Народная школа».

Этот период жизни Ушинского замечателен по необыкновенной деятельности покойного. В одно и то же время он составлял третий год «Родного слова» и писал «Педагогическую антропологию», посещал Педагогическое Общество и ученые диспуты в университете, переписывался с педагогами и неустанно следил за всем, что появлялось у нас по части педагогики. Вместе с тем Константин Дмитриевич постоянно следил и руководил занятиями своих детей, тем более, что его начальные книжки прежде всего практиковались на его же собственных детях. Так, год третий «Родного слова», от первого урока до последнего, мне лично посчастливилось под руководством Константина Дмитриевича проштудировать с двумя его младшими сыновьями, когда эта книжка была составлена еще лишь начерно. Замечательно, что сам Константин Дмитриевич не мог вообще давать уроков и особенно своим детям. Малейшее затруднение ученика, малейшая ошибка с его стороны сильно раздражали его, и он уходил, не окончив урока.

Когда профессор Владиславлев защищал свою докторскую диссертацию о философии Плотина, Ушинский вознамерился было сделать молодому ученому несколько серьезных возражений; но эта попытка не прошла для него благополучно. При многочисленном собрании публики г. Владиславлеву возражали сначала, как водится, официальные оппоненты, которые отняли времени более 2-х часов. После этого председательствующий (Срезневский, если не ошибаемся) предложил сделать замечания желающим из публики. Сначала вызвался законоучитель 2-й военной гимназии О. Лебедев, а за ним Ушинский. Когда окончились замечания О. Лебедева, Ушинский, сидевший в задних рядах и не могший говорить громко, стал пробираться на середину аудитории к советскому¹⁵ столу. В этот момент тот же г. Срезневский поспешил навстречу Ушинскому и, показывая ему карманные часы, довольно грубо заявил, что не может ему дать для замечаний более 5 минут. Присутствующие, ожидавшие интересного диспута между Ушинским и профессором Владиславлевым, изобразили на своих лицах изумление и невольно зашикали. Ушинский не считал возможным связывать свою беседу с ученым профессором таким кратким временем и, поклонившись нелюбезно встретившему его декану, заметил: «это самая лучшая защита для г. докторанта». Взволнованный, бледный как полотно, вышел он из аудитории в сопровождении многочисленной публики, выразившей ему свое сочувствие. Протест, сделанный тут же в Совете профессором О.Ф. Миллером, не поправил дела: диспут был окончен, и г. Владиславлеву в пустой уже аудитории был поднесен надлежащий диплом. Этот случай возбудил негодование в некоторых тогдашних органах печати, а Ушинский замечания свои на диссертацию г. Вла-

¹⁵ Совещательному.

диславлева высказал в особой статье, помещенной в «Петербургских Ведомостях».

Усиленная деятельность Ушинского в соединении с петербургским климатом снова подорвала его физические силы. Весною 1870 г. он отправился за границу, предполагая на этот раз пробраться прямо в Италию. В Вене он серьезно заболел и пролежал около двух недель. Местная медицинская знаменитость, доктор Шкода, посоветовал ему возвратиться в Россию, захватить в Крым и полечиться там кумысом. По Дунаю, через Одессу и Севастополь, Ушинский проехал в Крым и поселился в имении иностранца Варле, неподалеку от Бахчисарая, где было только что открыто кумысолечебное заведение. Пробыв в названном имении около месяца и значительно поправив свое здоровье, Ушинский подумал ознакомиться поближе с Крымом и с этою целью предпринял поездку в Симферополь и на Южный Берег. В Симферополь Ушинский попал как раз во время съезда народных учителей, которым руководил учитель приготовительного класса Симферопольской гимназии г. Дергачев. Симферопольское общество с особенным почетом отнеслось к нашему педагогу. Очень многие из педагогов посетили Ушинского, а местный Директор народных училищ, г. Соич предложил ему проехать в Бахчисарай для осмотра тамошних татарских школ. Это предложение было принято Ушинским с особенным удовольствием. Здесь он имел возможность познакомиться с татарской *Медресе* и посетить школу русской грамотности, открытую для учеников Медресе с целью обучения их русскому языку. В этой последней школе первый раз в жизни Ушинский видел применение своего «Родного слова» на практике, и притом применение очень оригинальное. Бородачиченики (20–35 лет) во время этого посещения читали первые страницы «Родного слова», и забавно было ему слушать, как какой-нибудь Алибек-Оглы вытягивал басом: «дя-дя, ня-ня» и т. п.

С величайшим интересом провел Константин Дмитриевич почти час в этой оригинальной школе. Из бесед с учениками он узнал, что они очень довольны своим русским учителем и что русское чтение и письмо даются им гораздо легче арабского. Не обошлось при этом без упреков *Мудерису*, который не так легко учит их чтению и письму арабскому. Отраднo было авторскому сердцу Ушинского знать, что библиотеку каждого ученика медресе составляют: коран, семь на него толкований на арабском языке и Первый год «Родного слова».

Возвратившись из Бахчисарая, Константин Дмитриевич раза два побывал на занятиях учительского съезда и принимал деятельное участие в прениях учителей, что доставляло последним неописанное удовольствие. Узнав о дне отъезда Ушинского из Симферополя, учителя и некоторые почитатели его педагогических трудов собрались в гостиницу, в которой он останавливался. Ушинский был очень тронут таким вниманием и долго беседовал с присутствовавшими о различных педагогических вопросах. Он выразил между прочим удовольствие, что в Симферополе и вообще в Крыму неожиданно увидел удачное применение на практике своих кабинетных трудов, и что вследствие этого ему хотелось бы возможно больше потрудиться на пользу русской, зарождающейся народной школы. Очень многие из учителей провожали Константина Дмитриевича за несколько верст от Симферополя.

Как могли, как сумели, выразили Ушинскому народные учителя чувства своего глубокого уважения и благодарности за педагогические труды его. Эти чувства были искренни, в чем не сомневался ни руководивший съездом г. Дергачев, ни директор училищ г. Сочи, отнесшийся сочувственно к овации, сделанной учителями известному русскому педагогу. Но за такое сочувствие, как нам передавали, г. Сочи чуть было не заплатился. Не ручаемся, впрочем, за справедливость этого сообщения.

Из Симферополя Константин Дмитриевич проехал в Ялту, где прожил около двух

недель и еще более поправил свое расстроенное здоровье. Здесь он встретился с Н.И. Костомаровым и беседовал с ним о необходимости написать русскую историю для детей. Находя, что это труд крайне серьезный и тяжелый, Константин Дмитриевич полагал, что за него только и может взяться такой ученый, как Н.И. Костомаров, бесспорно обладающий умением излагать исторические эпизоды в самой простой и для всякого доступной форме.

В конце июля, бодрый и духом и телом, покидал он Крым, куда подумывал впоследствии переселиться на жительство, для чего им было уже приторговано небольшое поместье возле самой Ялты. За весьма короткое время пребывания своего в Крыму Константин Дмитриевич значительно восстановил свои физические силы; его душевное настроение было прекрасно, так как он радовался, что кабинетные труды его удачно применяются на практике даже в народной школе, для которой он «Родного слова» и не предназначал. Ободренный сочувствием, которое было высказано ему Симферопольским обществом и учителями местных народных школ, он мечтал о том, как много ему еще надо сделать. Увидев неудобства в применении «Родного слова» в народной школе в том виде, в каком оно было впервые издано, Ушинский хотел сделать в нем значительные перемены с целью приспособить этот учебник к требованиям народной школы. С такими-то мыслями стремился Ушинский к родной семье, которая ждала его в имении Богданке (Черниговской губернии Новгород-Северского уезда). Он мечтал увидеть здесь своего старшего сына Павла, окончившего прекрасно вторую военную гимназию в Петербурге и назначенного к определению в одно из высших военных училищ. Получая от него в Крыму письма, извещавшие о блестящем ходе его экзаменов, отец несказанно радовался и говаривал окружающим его лицам: «Ну, слава Богу! Теперь мне есть на кого опереться; у меня есть теперь помощник. Он выведет в люди и своих младших братьев».

Бедный отец! Ты торопился к семье, мечтал о счастье, о радостях, но не они тебя ожидали. Страшное горе должно было обрушиться на твою голову! Старший сын Константина Дмитриевича, — надежда больного старика, — с увлечением предавшись различным удовольствиям сельской жизни, за несколько дней до приезда отца отправился на охоту и, заряжая ружье, нечаянно нанес себе смертельную рану и после 14-часового мучения умер на руках матери. Константин Дмитриевич приехал домой веселый, здоровый как раз в день похорон Паши. Много было предупреждено для того, чтобы хотя на несколько часов скрыть от отца страшное горе. Когда Константин Дмитриевич спросил: «Где же Паша?» ему ответили, что он, утомленный охотой, спит во флигеле. Не желая тревожить сына, Константин Дмитриевич отложил свидание с ним до утра. Встав на другой день по обыкновению очень рано, Ушинский нечаянно узнал от прислуги о происшедшей катастрофе. Он не поверил страшно поразившим его словам и опрометью бросился во флигель. Не найдя здесь своего любимца, Константин Дмитриевич упал в обморок, а затем, придя в себя, заперся на несколько часов в кабинете. Домашние слышали, как он рыдал здесь, как кричал: «Паша! Паша!.. не может быть!» Эти слова он повторял не раз и впоследствии.

Потеря любимого сына неблагоприятно отразилась как на здоровье К.Д., так и на его душевном состоянии. Его характер с этого времени совершенно изменился: он казался спокойным, говорил мало и все заботы направил на возможно лучшее устройство имения Богданки и на покупку где-либо дома. Ему хотелось «где-либо свить гнездо семье своей». О себе он с этого времени перестал заботиться и совершенно примирился с мыслью, что ему долго не прожить. Осенью этого года он перевез всю семью свою в Киев и двух старших дочерей поместил в Киевский Институт. Тяжело было жить Ушинскому в Киеве. О жизни в этом городе Константин Дми-

триевич так писал в письме одному своему другу: «Хорошо ли мне в Киеве? Увы, не хорошо. Душит глушью и ничего близкого сердцу; но думаю, что для семьи моей будет лучше, чем где-нибудь. Обо мне же думать нечего — моя песня, кажется, окончательно уже спета». Устроив свою семью в Киеве, Константин Дмитриевич стал собираться в Крым, куда ему советовали выехать доктора. С другой стороны, его тянуло в Петербург, дорогой для него по многим воспоминаниям. «Худ-ли, хорош-ли Петербург, писал он в это время Я.П. Пугачевскому, но я с ним сжился сердцем, в нем протекла самая существенная часть моей жизни: много перечувствовано и горя и радости, и много проработано; там я таскался без куска хлеба, и там же составил состояние, там я напрасно искал места уездного учителя и беседовал с царями, там я был неведом ни одной душе и там приобрел себе имя — надеюсь, честное — и вот почему слеза навертывается у меня на глаза, когда я вспоминаю Петербург и что, по всей вероятности, мне уже более не видать его». После некоторого колебания и по настоянию докторов ехать на юг, Константин Дмитриевич отправился в Одессу с двумя меньшими своими сыновьями — Костей и Волей. Простудившись дорогой, он получил в Одессе воспаление легких и немедленно выписал из Киева остальную свою семью. Слабый его организм не в силах был перенести эту тяжелую болезнь, и 21-го декабря 1870 года Константин Дмитриевич скончался, на 47-м году жизни. Часа за четыре до смерти он почувствовал себя очень хорошо и лишь жаловался на недостаток в комнате света. Зажгли 4 свечи — ему казалось мало; принесли еще две, и этих было недостаточно. Наконец комната была достаточно освещена, и Константин Дмитриевич, сидевший до того времени в кресле, пожелал лечь в постель и одеть чистое белье. Когда эти желания его были исполнены, он попросил своего родственника читать вслух «Ундину» Жуковского. По окончании чтения, К.Д. позвал к себе всех детей и, по обыкновению, вместе с ними помолился Богу. Отпустив детей, Константин Дмитриевич уснул... уснул навеки. Так тихо, в полном сознании, преждевременно окончил жизнь свою отец разумной русской школы, воспитатель русских педагогов, друг русской женщины, учитель русского дитяти.

Никто в Одессе не знал лично К.Д., но когда весть о его смерти разнеслась по городу, общее сочувствие к высоким качествам его души и драгоценным трудам на пользу отечественного образования выразилось огромным стечением людей всех сословий, которые пожелали отдать дань глубокого уважения останкам лучшего русского педагога. Мало того, явилось множество лиц, которые хоть как-нибудь старались облегчить горе семьи умершего Ушинского и которые брали на себя все хлопоты по устройству похорон, по перевезению в Киев тела покойного и т. п. В этом отношении нельзя не указать здесь на любезность И.А. Чечета, принявшего на себя все хлопоты и труды по устройству похорон. О почестях, оказанных праху покойного Ушинского, при перенесении его тела из Одесского кафедрального собора до станции железной дороги, в «Одесском Вестнике» того года было сообщено следующее: «28 декабря в 9 ч. раздался на соборной колокольне блавест к обедне. Учащие и учащиеся в Одесских уездных и городских народных училищах стройными рядами двинулись из дома уездного училища в собор и с благоговением приблизились к убранному цветами гробу покойного Ушинского. Литургию совершал Председатель Одесского уездного училищного совета, протоиерей Лебединцев. Панихиду служил профессор богословия при Императорском Новороссийском университете, протоиерей М. Павловский, соборно с законоучителями городских народных училищ. Обедню и панихиду пел хор певчих, составленный из учителей народных училищ, воспитанников педагогических курсов и воспитанников сиротского дома. При выносе тела учителями народных училищ, запел торжественное, всепримирающее «Святой Боже» второй хор,

образовавшийся из 20 воспитанников педагогических курсов и 50 учеников, обучающихся в уездном и народных училищах. Печальная процессия двинулась от собора, по Полицейской и Ришельевской улицам, на станцию железной дороги «Куликово поле». За крестом, сопровождаемым четырьмя фонарями и шестнадцатью хоругвями, шли: первая колонна учеников и учениц младшего возраста — первый хор певчих; вторая колонна учащихся старшего возраста — второй хор певчих; духовенство; печальный поезд с гробом, по углам которого, поддерживая балдахин, стояли в траурных перевязях учителя народных училищ; шесть жандармов охраняли поезд и очищали путь; пение не прерывалось ни на минуту. За гробом шли: убитая горем вдова с пятью осиротевшими детьми покойного Ушинского, его близкая родственница (жена брата), окружной инспектор князь В.Д. Дабижа, профессор университета А.М. Богдановский, директор и инспектор 2-й гимназии, начальница Мариинской общественной женской гимназии, исправляющий должность председателя состоящей при городской думе комиссии попечителей народных училищ, преподаватели в разных учебных заведениях, семейства учителей и много других лиц, пришедших отдать последний долг славному русскому педагогу».

Достоинство почтила разноплеменная и разноязычная Одесса последние останки Константина Дмитриевича Ушинского, так много потрудившегося на пользу русской педагогики и обещавшего сделать еще больше. Его кончина в многочисленных уголках нашего отечества была встречена с чувством глубокого сожаления и много слез было пролито по нем и учащими, и учащимися, и родителями, и детьми. Да и нельзя не оплакивать преждевременную кончину такого честного труженика, такого полезного деятеля, такого высокогуманного человека, каким был Константин Дмитриевич Ушинский.

Тело Ушинского перевезено в Киев и похоронено в Выдубицком монастыре под огромным каштановым деревом на берегу р. Днепр. На хартии, украшающей прекрасный надгробный его памятник, написано: «Константин Димитриевич Ушинский — автор “Детского мира”, “Родного слова” и “Педагогической антропологии”. Умер 21-го декабря 1870 года, на 47 г. жизни», а на кресте памятника: — «Блажени мертвии, умирающи о Господе отныне. Ей, глаголет дух, да починут от трудов своих: дела бо их ходят вслед с ними».

Слоб. Нальчик
Терской области.
1881 года, 1-го апреля.

Приложения.

I

Речь,

сказанная в Одесском кафедральном соборе, 28 декабря 1870 года, профессором богословия, протоиереем М. Лавловским при выносе останков Константина Дмитриевича Ушинского на станцию железной дороги.

«Вот тот гроб, пред которым с любовью преклонятся и с благодарностью помолются многие и многие в России: преклонится и помолится дитя и возрастный, ученик и учитель, мать и ее дети, начинающий изучать великое дело воспитания и

глубоко изучивший множество систем воспитания. Вот тот труженик, которого так долго ждали русская школа и семья; который книгами своими облегчил и сделал из горького сладким учение для дитяти и для его учителя; который связал матерей с их детьми крепкими и святыми узами воспитания; который прочитал незабвенные уроки обучения и воспитания всем воспитывающим и пишущим о воспитании. Вот тот дивный знакомец, которого, никогда не видевши, знаешь, чтить и любишь, — знаешь по его книгам, наполнившим училища и семьи, — чтить за те разнообразные таланты, которыми так щедро наделен был и из которых ни одного не скрыл он в земле; за те многосторонние и глубокие познания, которые черпал он из себя самого, из всей природы и из образованных стран Европы; любишь за ту, всегда живую любовь и за то неустанное терпение, с которыми он одинаково писал и азбуку для детей, и глубокое по взглядам и многостороннее по познаниям сочинение свое о человеке, как предмете воспитания; любишь за ту новость взгляда на воспитание, истинность которого почувствовали все, когда прочитали, но которую высказал он первый, — ту новость, что «чем меньше возраст учеников, над образованием которых трудится воспитатель, тем больше требуется от него педагогических познаний». Любим его за его «Детский мир», в котором он так легко и так увлекательно знакомит детей с ними самими и с окружающею природою; за его «Родное слово», по которому русские дети начали изучать и с любовью изучают родную русскую жизнь во всем богатстве русского языка и во всем разнообразии народных поэтических форм.

«Вот почему и в нашей разноплеменной и разноязычной Одессе, в которой Провидение указало христианскую кончину незабвенному Ушинскому, его гроб окружается такою искреннею любовью и молитвой: цену воспитателю русских детей и воспитателей Одесса чувствует если не более, то ни в каком случае не менее других городов обширной России.

«С миром и благословением отпускаем тебя в путь твой, доблестный труженик, до конца жизни свято служивший святому делу воспитания. От глубины благодарных сердец молим Того, Кто обещал не забыть и чаши студеной воды, поданной жаждущему, не забыть — помянуть тебя во царствии своем, не забыть то, что оставил ты на земле самого дорогого для тебя — родных детей твоих. Да воспитаются они так, как воспитывал ты и долго воспитывать будешь, книгами твоими, детей русских!»

II

Речь,

сказанная на станции железной дороги «Куликово поле» учителем Одесского народного училища Т. Росниковым.

«Замолчите все, считающие дело начального воспитания делом мало важным, делом, не стоящим серьезного внимания; замолчите и проникнитесь глубоким уважением к делу воспитания, ибо есть люди, полагающие жизнь свою за это дело. Вот гроб человека, который всю жизнь свою принес на пользу своих юных соотечественников. Вот останки труженика, предпринявшего громадный труд: собрать мнения о воспитании, высказанные великими мыслителями в продолжении многих веков и из этих разноречивых теорий и философских взглядов выработать последнее слово науки о воспитании духовной и физической природы человека, составить руководство, необходимое для всех, кто посвятил себя воспитанию русского юношества. Этим трудом он желал положить конец тому жалкому обучению и воспитанию, какому подвергаются дети в школах, руководимых непризванными и неподготовленными педагогами. Он стремился путем воспитания создать разумно счастливую жизнь молодого поколения: он желал видеть в человеке образ и подобие

Божие. И что может быть возвышеннее этих стремлений?! Его сочинение «Человек как предмет воспитания» смело может быть поставлено в ряду замечательных педагогических произведений Европы. Над этим громадным трудом он 16 лет работал честно, с глубоким знанием, не щадя жизни, и выполнил его со славою. И какую же стяжал ты для себя награду? Преждевременную смерть. Со смертью твоею много потеряло и русское юношество, и русская начальная школа. Твоими трудами начала созидаться на Руси разумная школа; ты первый осушил детские слезы, ручьями лившиеся в прежних рутинных школах; ты заставил детей полюбить и школу, и грамоту. Сотни тысяч учащихся знают твое имя; сотни тысяч читают и любят твои книги, составленные с глубоким знанием детской природы. Но все ли ты сделал? Нет. Многого и весьма многого еще ждала от тебя русская школа и семья. Оставленные тобою рукописи свидетельствуют, что преждевременная смерть прервала благородную общественную деятельность твою на половине.

Сознайте же все, пришедшие отдать последний долг этому плодотворному труженику, сознайте, что вы провожаете в могилу человека, для которого благо ближнего было задачей жизни; сознайте, цените и не забывайте его труды, его мысли и стремления.

Что же, сотоварищи, в эти минуты сказать вам? Горе наше велико. На долю нашу выпал жребий не приветствовать, но провожать в невозвратный путь всеми нами любимого ученого. Вспомним же, на прощании с гробом сим, и сохраним в сердцах наших все то, что говорил и завещал нам почивший в этом гробе. Он говорил: «Неправильное воспитание тяжело отзывается во всей жизни человека, есть главная причина зла в народе и ответственность за это падает прямо на воспитателей». Он говорил, что для разумного воспитания недостаточно одного терпения и любви к детям, но необходимо при этом изучить и знать их природу. Воспитание детей он считал великим, святым делом и требовал, чтобы к нему относились серьезно; он сказал: «Преступник, убийца тот, кто берется за воспитание, не зная его».

Пусть же, сотоварищи, гроб этот пробудит в нас сознание святости долга, которому мы служим; пусть он напомним нам, что на поприще воспитания мы должны иметь целью — благо ближнего. Дадим обещание глубже ознакомиться с мыслями этого благонамеренного и честного труженика. И если каждый из нас сделает хоть сотую долю того, что сделал он, тот уже много сделает.

Прости же, отец разумной русской школы, друг детей и славный педагог. Вечная память тебе, делавшему дело для дела и трудившемуся для труда! Имя твое будет жить в сердцах наших и в сердцах детей, для блага которых ты не щадил жизни.

Мир праху твоему».

III

Речь,

сказанная законоучителем Кубанской учительской семинарии, Q.J.Стась, 8 Марта 1871 года на панихиде по Ушинскому.

«Печальная весть собрала нас, юные друзья, в этот дом молитвы, весть о кончине человека, который очень много потрудился на пользу народного образования. В эти минуты нам невольно приходит на память наставление Апостола, что мы должны «поминать своих наставников». Помнить своего доброго наставника есть прямой долг благодарности; многим добром мы обязаны бываем ему; он направляет нас на путь истины и добра; он прокладывает нам дорогу в жизни общественной; он часто заменяет нам отца и мать; а иногда, в трудные минуты жизни, один, быть может, образ его, — строгий, запрещающий, умоляющий образ его, — удерживает нас от ошибок,

увлечений, преступлений. Вот почему мы должны быть благодарны памяти своих добрых наставников. И так, прямой долг благодарности обязывает нас помнить своего доброго наставника.

Помня этот долг, мы, воспитатели ваши, пригласили вас, будущих учителей народа, помолиться вместе с нами о вечном упокоении души одного из величайших русских педагогов, К.Д. Ушинского, недавно, скончавшегося. Вам, начинающим только готовиться к делу народного образования, неизвестно, быть может, это имя, но вы скоро узнаете его по его сочинениям; а эти сочинения такого рода, без которых вы шагу не можете сделать в народной школе, которые переживут и нас, и вас, а быть может, и внуков ваших. Когда вы изучите эти сочинения, познакомитесь с жизнью человека, трудившегося над ними, вы полюбите этого человека от всей души, от всего сердца, и не раз, быть может, поникните мыслью над неисповедимыми путями промысла Божия в деле спасения людей, и не раз ваша теплая молитва понесется к престолу Всевышнего за этого человека, и не раз призадумаетесь над судьбой русского педагога, русского просвещения, русской мысли, и не раз вы увлечетесь мыслью этого человека, его духом. Дай Господи, чтобы это было так, дай Господи, чтобы его мысль, его дух, оставшиеся жить в его сочинениях, сделались вашей мыслью, духом вашей будущей деятельности. Это было бы величайшим благодеянием для русского просвещения, это была бы величайшая жертва за спасение души его... Помолимся же, мои юные друзья, за упокой души раба Божия Константина. Он достоин самой искренней, самой горячей молитвы и как истинно православный христианин, и как человек, много потрудившийся на пользу народного образования».

IV СПИСОК

сочинений К.Д.Ушинского, разбросанных по журналам и газетам.

- 1) Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Труды Уральской Экспедиции. Совр., 1853 г., №№ 8, 9, 10 и 11.
- 2) Магазин земледения и путешествий, критич. статья. Совр., 1854 г., № 6.
- 3) Путешествие в Персию Бларамберга. Совр., 1854 г.
- 4) Поездка на Волков. Совр., 1852 г., № 9.
- 5) Литературный характер, или История гения, заимствованная из собственных чувств и признаний Дизраэли. Совр., 1853 г., №№ 5, 6, 7 и 8.
- 6) Истории одной французской эскадры; извлечение из книги принца Жуанвильского. Совр., 1853 г., № 3.
- 7) Сведения о современном состоянии Турции. Совр., 1854 г., №№ 6, 7 и 8.
- 8) О пользе педагогической литературы Ж. д. В., 1857 г., т. I.
- 9) О народности в общественном воспитании. Ж. д. В., 1857 г., т. II.
- 10) Школьная реформа в Северной Америке. П., 1858 г., т. III.
- 11) Внутреннее устройство североамериканских школ. Ж. д. В., 1858 г., т. IV.
- 12) Три элемента школы. Ж. д. В., 1857 г., т. I. (Виссарион Жуков).
- 13) Труд. Ж. М. Н. П., 1860 г., Июль.
- 14) О нравственном элементе в русском воспитании. П., 1860 г., №№ 11 и 12.
- 15) Психологические монографии: Внимание. П., 1860 г., №№ 8 и 9.
- 16) «5 марта 1861 г.» (по поводу освобождения крестьян), П., 1861 г., № 3.
- 17) Проект учительской семинарии. П., 1861 г., №№ 2 и 3.

- 18) Воскресные школы. Письмо в провинцию Ib., 1861 г., № 1.
- 19) Родное слово. Ib., 1861 г., № 5.
- 20) Педагогическая поездка по Швейцарии. Ib., 1862 г., № 12 и 1863 г., №№ 1, 3 и 4.
- 21) О возникновении наших народных школ. Народная школа, 1870 г.
- 22) О голоде в России. Голос, 1867 г.
- 23) Цветы московской педагогики на Петербургской почве. Отечеств. Зап., 1866 г., № 20.
- 24) Разбор психологической теории Спенсера. От. Зап., 1866.
- 25) Необходимость ремесленных школ в столицах. С.-Петербурб. Ведом., 1868 г., № 103.